

Цена 20 коп.
Индекс 72996

№ 16
ISSN 0132—2141

Михаил ЗАДОРНОВ
ЛИНИЯ ДЛИНОЙ
15 000 МЕТРОВ

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА.

КРЕДО

Когда мы не знаем авторства фразы или афоризма, мы говорим: «Как сказал кто-то из древних». Так вот... Как сказал кто-то из древних: «Юмор — это когда смеешься над тем, кто упал. А сатира — над тем, кто толкнул». Считаю необходимым в наше время смеяться только над тем, кто толкается!

БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА

№ **16**
(1052)

Михаил ЗАДОРНОВ

ЛИНИЯ ДЛИНОЙ
15 000 МЕТРОВ

Рисунки О. ТЕСЛЕРА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КПСС
«ПРАВДА»
1988

Поскольку название сборника может вызвать у читателя недоумение, автор считает нужным объяснить, почему он его так назвал. Последнее время в канцелярских магазинах стали появляться импортные ручки, на которых не по-нашему написано: «Линия 5000 метров». По-нашему это означает, что тот, кто достанет такую ручку, сможет ею провести линию длиной пять тысяч метров. Когда автор писал этот сборник, он израсходовал ровно три ручки. То есть если все, что он написал, вытянуть в единую прямую, получится «Линия длиной в 15000 метров»! Для серьезного прозаика дистанция несерьезная. Для несерьезного, коим считает себя автор, можно сказать, стайерская. А для читателя? Ответить на этот вопрос сможет только сам читатель, когда пройдет всю дистанцию до конца или хотя бы пробежит ее глазами. Если, конечно, не сойдет с нее досрочно из-за усталости или травмы, узнав себя в ком-либо из персонажей.

Поэтому автор приглашает Вас, уважаемый читатель, начать с первой главы, название которой сразу обязывает к резкому набору темпа как в юморе, так и в сатире, поскольку называется эта глава

«НА СТАРТ! ВНИМАНИЕ!! МАРШ!!!»

МОЛОДЫЕ

Она разбудила его, спящего у нее на плече.

— «Автозаводская», слышь? — на ухо прокричала она ему. — Приходи в себя-то...

— Чего, уже приехали? — спросил он, просыпаясь.

В метро было хорошо! Как всегда в воскресный вечер, все ехали нарядные и веселые.

— А может, до «Каховской» рванем? — предложил он.

— Чего это вдруг? — удивилась она.

— А так просто, — сказал он. — Можем мы один раз в жизни до «Каховской» рвануть?

— Зачем? — снова не поняла она.

— Ну как зачем? — засуетился он. — Сколько лет уже здесь живем, а никогда до конечной не ездили.

— Ну, знаешь! — возмутилась она. — А то, что завтра рано вставать, ты об этом не думаешь?

— Черт с ним! Подумаешь, не проснешься разок вовремя или опоздаешь на работу... А то и вообще не пойдешь! Молодые ведь! Неужели мы себе не можем позволить плюнуть на все и вот так, с бухты-баракты — до «Каховской»!

Она немного подумала, потом сказала:

— Нет, лучше в другой раз... Мне сегодня кое-чего на завтра приготовить надо да рубашку тебе постирнуть... Вон у Димки капнул чем-то. Нехорошо завтра на работу в такой идти... А насчет «Каховской», так это мы с тобой как-нибудь в другой раз, когда посвободнее будем... Заранее договоримся и рванем!

— Брось, давай сегодня! — разошелся он. — Подумай, ведь жизнь уходит, а мы ничего не видим... Так в старости и вспомнить нечего будет. А сейчас, представляешь, поезд, говорят, за «Автозаводской» на землю выходит! По ночной Москве! А потом... «Варшавская», за ней — «Каховская»! Выйдем, прогуляемся — интересно! Ведь ездят же люди туда за чем-то?!

— Ну ладно, уговорил! — сказала она вдруг. — Действительно, бог с ним со всем... Молодые ведь — можно и до «Каховской»!

Но в это время поезд остановился и приятный женский магнитофонный голос объявил: «Автозаводская!» Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны!

Вместе со всеми они вышли из вагона... и пошли к остановке автобуса.

— Не судьба, значит, — вздохнул он.

— Ничего, в другой раз как-нибудь заранее договоримся и рванем! — начала она утешать его.

— Да я особенно и не расстраиваюсь, — сказал он, пожав плечами. — В конце концов и так хорошо день прошел... «Спартак» выиграл, пивка с воблой попили... А завтра на работу с таким пятном и впрямь нехорошо. Вставать опять-таки рано... В общем, я думаю, правильно, что сдержались. Но уж в другой раз точно на все плюнем и рванем, правда?

— Правда! — ответила она, и они, счастливые тем, что когда-нибудь совершат удивительное путешествие, поспешили домой...

СТАВИМ ГАЛОЧКУ!

Итак, товарищи! Подведем итоги выполнения общественных работ, взятых нашим отделом на этот год.

Первое...

В подшефном колхозе всем отделом отработали? Отработали! Ставим галочку! Теперь считаем... Бензин на автобус, который отвез нас за 120 км и привез обратно, — 25 рублей. Картофеля убрали на 60 рублей, съели на 140 — минус 80 рублей. 80 и 25 — это уже 105 рублей. Их мы оплатили по нашей годовой смете из графы «командировочные». Из

этой же графы выплатили за семь сломанных лопат, 13 вил, пропавших без вести, один разбитый трактор и два самосвала с сеном, утонувшие в болоте. Это 5000 рублей. Плюс убыток от невыполнения плана за день ввиду простоя всего отдела — 1200 рублей.

Итого! Субботник обошелся нам в 6305 рублей!

Второе...

«День здоровья» всем отделом с выездом на природу и вызовом туда буфета, закупленного по безналичному расчету по годовой смете из графы «промывка осциллографов», провели? Провели! Ставим галочку! Он обошелся нам в 6993 рубля.

Третье...

За участие в сводном концерте нашего предприятия у нас почетная грамота. Ставим жирную галочку! От нашего отдела в концерте участвовали: дискленд из ресторана «Лебедь», который мы оплатили из графы «оформление красных уголков средствами противопожарной безопасности». Это 450 рублей. Плюс наш фокусник с номером «Появление из холодильника живого попугая с криком «Я — пингвин!» Попугая мы выменяли на птичьем рынке на видеоманитофон, купленный на оставшиеся средства в конце прошлого года и списанный в начале этого за брак, так как выпущен он был в конце года на нашем предприятии. Словом, попугай нам достался почти даром!

Четвертое...

Деньги на оформление красных уголков средствами пожарной безопасности взяли из графы «оформление люстрами нового конференц-зала». Люстры сделали сами из меди, сэкономленной от крыши нового Дворца культуры. Крышу закрыли списанными чертежными досками, а новые доски купили за наличные деньги на материальную помощь, выписанные семерым надежным людям. Пятеро из надежных людей оказались ненадежными и отказались их возвращать. Пришлось им выписать еще по одной, чтобы отдали эти.

Словом, все последние галочки обошлись нам всего в 1450 рублей!

Итого!

В этом году на выполнение общественных нагрузок нами было истрачено 17143 рубля, что на 5637 рублей меньше, чем нами было истрачено на выполнение тех же общественных нагрузок в прошлом году. А значит, нами выполнен также последний пункт наших обязательств под названием «Экономия внештатных фондов нашего предприятия»! А значит, что? Ставим самую жирную галочку!

РАБОТАТЬ ХОЧЕТСЯ!

Надо же, как у нас на работе хорошо! На улице дождь, осень, спякота... А на работе тепло, сухо, уютно... Работать хочется!

Вот только надо сначала чайку крепкого выпить. А то аж глаза слипаются, до чего на работе хорошо!

— Розалия Львовна, и мне чайку, пожалуйста! Кстати, вчера по телевизору новости смотрели? Еще одного работника торговли посадили. Имел дачу с бассейном, теннисными кортами, тремя павлинами и кенгуру, у которого в сумке прятал от государства миллион!

— Алло? Да, это отдел. Нет, не разбудили. Что? Как наш отдел называется? Минуточку, сейчас спрошу. Я не знаю, я профорг. Алло? Вы слушаете? Тут никто не знает. Из специалистов нет никого. Только комсорт, культорг и профорг.

Розалия Львовна, налейте мне, пожалуйста, еще чашечку. А то этот телефонный звонок меня совсем из рабочего состояния вывел... Миллион! Представляете? А тут крутишься, вертишься целыми днями за сто сорок в месяц. Да жена сто десять. Да детей двое. В результате еле-еле на книжку ежемесячно откладываем триста!

— Алло? Нет, Громовой нет. Где-где? В универмаге в очереди за боножками стоит. Когда ушла? Да уж недели две, как вышла. Не знаю, когда вернется. Попробуйте позвонить в начале зимы. Что-что? Уже зима?!

Ой, товарищи, смотрите — и правда! — за разговорами нашими не заметили, как зима наступила. Я люблю зиму! Когда на первый снег смотрю, жутко работать хочется. Пойду только сначала перекурю, а то чаю перепилсь — голова ничего не соображает...

Здорово, мужики! Все курите? А читали вчера в газетах, какие безобразия творятся в связи с введением антиалкогольного закона. Количество разводов в стране увеличилось в два раза! Как почему? Половина мужей на своих жен впервые трезвыми глазами взглянули!

Ну, ладно, я побегал. Аж руки чешутся, до чего работать хочется! Вот только в столовую загляну, а то голова на голодный желудок ничего не соображает.

Ух ты, очередь какая! Настя, ты, что ли? Какая ты молодец, что мне очередь заняла! Что? Ты не Настя? И меня не знаешь? Тем более молодец! Незнакомому человеку очередь заняла! Товарищи! Что вы шумите? Кто без очереди? Мне только чай взять! Я на диете. Здравствуй, Раечка. Раз ты сегодня на раздаче, дай мне сначала яйцо под майонезом, сыр, паштет, капусту, свеклу, горошек, рыбу, колбасу... Это на закуску. Теперь дай поесть. Товарищи, что вы опять шумите? Что? Я чай обещал взять? Рая, дай мне чай! Нет, без сахара. Вместо сахара дай борщ, зразы и скобянку... И еще вот это блюдо, которое у тебя значит в меню под названием «мясо» жареное. Что? Это печатка? Нет, это не печатка. Все верно напечатано. Посмотри на него. Какое ж это мясо? Это мясо! Вон и дальше верно напечатано — «говюжье»!

Все, товарищи, ухожу, ухожу... А, Борис Юрьевич, здравствуйте! Идите скорее сюда — я вам очередь занял. Что? Вы не один? А с кем? С отделом? И сколько вас? Четырнадцать?! Надо же, а я как раз на че-

тырнадцать и занял. Идите, идите и не стесняйтесь. А то, пока в такой очереди стоять будете,—весна наступит... Что? Уже наступила! То-то, я думаю, я так проголодался?

Игорек, подвинься — тарелки поставить некуда. И скажи спасибо, что я сегодня на диете. Ничего есть нельзя. Кроме мясного, мучного, молочного, кислого, сладкого, соленого, твердого и жидкого. Новая диета! Русская называется. Согласно этой диете, есть надо один раз в день. Но с утра до вечера!

Ну все! Поел — пора за работу! Вот только еще раз пойду курну, а то голова на сытый желудок ничего не соображает...

Ну что, мужики, все курите? А как наш шеф на прошлой неделе кабана убил, слышали? Ну что вы?! Выстрелил — не попал. Кабан на него. Шеф бежать. Кабан за ним. Шеф с испугу на дерево полез. А он ведь — сами помните — центнер с гаком весит. Сук под ним обломился, он упал прямо на кабана и убил его...

А теперь, извините, мне пора за работу. Вот только на воздух на секунду выйду, — а то перекурился чего-то — голова ничего не соображает...

Боже мой! До чего на улице хорошо! Листья распустились! Лето. Громова, ты, что ли? Вернулась? Ну и как, достала босоножки? А чего такая грустная? Только тридцать восьмой размер достался? А тебе надо? Тридцать третий? Ну не сердчай, зимой на шерстяной носок как раз будут!

А теперь пошли скорее в отдел. А то отпуск прозеваем...

Ну что, Розалия Львовна, все чай пьете? А объяснительную вас еще не заставили писать. Меня так просто замучили ими. Я наконец не выдержал и в конце одной объяснительной приписал «Целую». А начальник, как всегда, не прочитал и сверху резолюцией наложил «Одобрю»...

Ну все — пора в отпуск. Вот работенка: целыми днями крутишься, вертишься... А оглянешься назад — год пролетел. И непонятно, что ты за год сделал? Одно понятно — очень быстро на такой работе жизнь пролетает... Может, это и есть ускорение?!

ПРАВИЛО МЕХАНИКИ

В город О. я приехал после Таллина. В Таллине жил в гостинице «Олимпия». Ее строили финны, по собственному проекту. Несмотря на то, что гостиница построена довольно давно, она все равно в хорошем состоянии. Удивляет продуманностью архитектуры, планировки, до сих пор хорошим состоянием мебели, замков, форточек, дверей и водопроводных кранов, а обслуживание тоже на уровне мировых стандартов.

Но теперь, после Таллина, я приехал в город О., где меня поселили в гостинице, которая, по-видимому, строилась не финнами и вообще без

проекта. Первое, что я испытал, когда вошел в свой номер, было чувство унижения человеческого достоинства.

Сначала я сдержался. Подумал: раз до меня здесь жили люди, то и я поживу, ничего со мной не случится. Лег отдохнуть, но, промучившись с неудобной кроватью и со всем остальным, о чем я скажу ниже, пошел позвонить в Москву. Тут мне нагрубил администратор гостиницы. Я попросил ее разменять деньги по пятнадцать копеек, чтобы позвонить по междугородному автомату, который висел в вестибюле. Она начала на меня кричать: мол, их кассир не обязана менять деньги, потому что телефоны-автоматы относятся не к гостиничному хозяйству, а к Министерству связи, и что если я пойду на центральный телеграф, мне обязаны будут разменять. Я опять сдержался. Разменять деньги мне помогли в киоске.

Позвонив в Москву, я стал выяснять, как в гостинице можно погладить брюки перед выступлением. С большим трудом наконец выяснил, что утюг только один, на третьем этаже, тряпочка, через которую глядят, на пятом, а единственная работающая розетка, в которую можно включить утюг, — на седьмом. Но тряпочку на другой этаж принципиально не дает дежурная по пятому этажу, а утюг вообще не разрешается переносить из-за правил противопожарной безопасности.

На этот раз я уже не сдержался. Пошел к директору гостиницы. Но перед этим не поленился, зашел к себе в номер, вынул чистый лист бумаги и переписал все недостатки, которые были в номере. Как настоящий акын: «Что вижу, о том пою!»

Директор меня долго не принимал. Но я заранее запасся терпением. Наконец он вышел и довольно грубо спросил: «Вам чего?»

— Я хочу рассказать, как я въехал в шестьсот первый номер.

Директор внимательно посмотрел на меня, видимо, скрупулезно вычисляя, может ли простой командированный прийти к нему с таким вызывающим видом. Вычисления его закончились, наверное, в мою пользу, так как он уже вежливо пригласил меня зайти к нему в кабинет. Я сел напротив него и стал просто перечислять то, что выписал на листе бумаги.

— Прихожая в номере есть. Хорошая, просторная. Но в ней нет ни вешалки, ни крючка, ни сучка, ни задоринки. Одежду можно прилепить к стене только пластилином. Когда я сказал об этом горничной, она мне сурово ответила: «У нас раздеваются в шкафу!» Как вы понимаете, раздеваться в шкафу я не мог, тем более что шкаф у вас сделан до пояса. В него можно повесить рубашку, брюки, пиджак, но никак не пальто и не плащ.

Окна у вас заклеены в номере полностью вместе с фрамугой. При чем, судя по грязной бумаге, заклеены года три назад. Правда, несмотря на то, что они заклеены полностью, из них дует прямо в постель. Направленно. Прямо в подушку. При этом подушка с наволочкой размерами не совпадают. И сильно не совпадают. В сторону подушки. На по-

стели матрас с тремя большими кочками. Поэтому лечь надо по синусоиде, стелаясь между ними. Одеяло вытянутое, а пододеяльник квадратный. Такого размера, что лечь под него надо, если хочешь накрыться полностью по диагонали, а точнее: под одеяло — по диагонали, а на матрас — по синусоиде. Но самый интересный эффект от того, что пододеяльник сырой, а простыня атласная. Поэтому к пододеяльнику прилипаешь, а с простыни соскальзываешь. Если, конечно, за кочку не зацепишься.

Бра у кровати висит над ногами. И не освещает их только потому, что в этом бра нет ни лампочки, ни выключателя. На мою просьбу перевесить бра горничная сурово сказала: «Ишь ты, какой барин нашелся! Лампочку мы тебе дадим, а подушку переложим на другую сторону». Но переложить подушку на другую сторону невозможно, поскольку у кровати нет задней спинки. На это горничная мне ответила: «У нас все раздорывают командированные!» Хотя трудно представить себе командированного, уходящего из вашей гостиницы с задней частью от кровати.

Холодильник как включаешь, так сразу же выключаешь, потому что он начинает дрожать и прыгать за тобой, хлопая дверцей.

Телевизор работает семь минут, потом восемь не работает. А когда работает, его изображение настолько отдает синевой, что даже дети кажутся алкоголиками. А весь экран испещрен мелкими кружочками, как будто смотришь через дуршлаг.

На столе есть настольная лампа. Но ее некуда включать. Если ее включить в единственную розетку, которая есть в номере, шнура достаточно только для того, чтобы эта лампа стояла под кроватью. Я там работать не привык. У письменного стола нет стула, а есть пуфик, высота которого как раз достаточна для того, чтобы подбородок положить на поверхность стола.

В ванной держатель держит только одно вафельное полотенце. Если вешаешь два, он уже выпадает из стены. Зеркальце для бритья повешено на уровне чуть ниже груди, что создает серьезные трудности, когда бреешься. А лампочка в той же ванной — 15 ватт, значит, выбраться наместо можно только с фонариком на лбу.

И, наконец, судя по звукам, мусоропровод проходит рядом с моей кроватью, а судя по запахам, и заканчивается где-то неподалеку.

Директор внимательно выслушал меня.

— Вы, кажется, писатель-сатирик?

Он, как я уже говорил, пытался вычислить, откуда меня знает. Наконец, вспомнил я, пожаловавшись на то, что нет средств, что действительно много неполадок, что Москва не помогает, тут же повел меня в другой номер. В котором все было прекрасно: и задняя спинка у кровати, и стул, и лампа, и зеркало в ванной было сделано для бритья лица, а не груди, и пожарник пришел — поставил пепельницу прямо на подушку, и горничная погладила брюки утюгом, а не чайником. Одним сло-

вом, и средства нашлись, и Москва помогла. Здесь был только один недостаток: на двери не было номера. Это был секретный номер для начальства. Таких номеров в гостинице было несколько.

Когда я думаю о таких людях, как этот директор, который в первую очередь заботится не о людях, а о том, как бы выслужиться перед своим руководством, я всегда вспоминаю одно простое правило механики. Невзирая на то, что оно формулирует чисто физический закон. по-моему, в наше время оно звучит очень современно прежде всего в социальном смысле: «Любое ускорение начинается с разгона». Но, к сожалению, всех не разгонишь.

ДЕВЯТЫЙ ВАГОН

Вся история началась с такого случая. Мне нужно было из Риги ехать в Ленинград. У меня были билеты во второй вагон. Я пришел на Рижский вокзал, подошел к поезду, а первых трех вагонов в составе нет.

Человек девяносто с чемоданами, детьми и провожающими ходят по перрону и ищут в недоумении эти три вагона. Я очень рассердился. И, поскольку имею отношение к отделу фельетонов, думаю: «Сейчас пойду к бригадиру поезда и все выясню!» Но бригадира поезда я так нигде не нашел, поэтому пошел к начальнику вокзала и гневно, думая, что имею на это право, его спрашиваю: «А где бригадир поезда?» А начальник вокзала мне отвечает: «В первых трех вагонах...» В общем, так я от него ничего не добился.

А ехали мы все — у кого билеты были в первых три вагона — в остальных вагонах: кто в тамбуре, кто стоя, кто сидя на своих собственных чемоданах.

По возвращении из Ленинграда в Москву мой гнев не остыл, как часто бывает в таких случаях по прошествии времени. Я написал фельетон об этом случае с указанием фамилий и номера поезда.

Фельетон был опубликован в «Литературной газете». И вот тут, на мой взгляд, началось самое интересное. Мне пришло письмо от одного читателя из города Киева, который пишет: «Это все — ерунда по сравнению с тем, что произошло со мной на железной дороге. Прошу срочно приехать ко мне, расскажу — не пожалеете».

Естественно, таких писем приходит много, поэтому я никуда не поехал. Но, когда был в Киеве с концертами, решил все-таки зайти по указанному адресу. Написал же он мне — не пожалеете.

И я не пожалел.

В отличие от трех вагонов, которых не было в Риге, в Киеве к составу присоединили два девятых вагона. НО — все пассажиры ведь нормальные люди, они же все умеют считать до девяти, и все, у кого билеты в девятый вагон, понимают, что девятый вагон — это тот, который

сразу после восьмого, а не тот, который перед десятым. Поэтому все дружно сели в первый девятый вагон.

Очень удивленная проводница второго девятого вагона, в который не сел ни один человек, когда поезд тронулся, пошла к бригадиру поезда и сказала: «Мой вагон пустой». Бригадир тоже очень удивился, сказал: «Наверное, что-то напутали, как всегда, в кассах». И дал радиogramму на следующую станцию продать билеты в девятый вагон.

Все, кто купил билеты в девятый вагон на следующей станции, тоже были людьми нормальными и тоже умели считать до девяти. Поэтому дружно прибежали в первый девятый вагон.

Проводница первого девятого вагона, у которой пассажиры давно попили чай и легли спать, в ужасе говорит: «Товарищи, вы откуда в таком количестве? У меня нет ни одного свободного места. Бегите скорей к бригадиру поезда — он в первом вагоне. Причем бегите скорей, поезд стоит всего три минуты. Пусть вас расселяют по свободным местам в первых вагонах».

Поскольку поезд действительно стоит три минуты, боясь опоздать, с вещами, детьми и провожающими пассажиры бегут наперегонки к первому вагону... Их встречает очень удивленный бригадир поезда и говорит: «Товарищи, вы откуда в таком количестве?» Они говорят: «Мы все из девятого вагона, там все двойники». Бригадир понимает, что он чего-то не понимает, но чего он не понимает, он еще не понимает. Поскольку поезд действительно стоит три минуты, он быстро расселяет их по свободным местам в первых трех вагонах и дает отправление поезду.

В ЭТО ВРЕМЯ проводница второго девятого вагона, к которой по-прежнему не сел ни один человек, идет к бригадиру поезда и говорит: «Мой вагон пустой». Тот медленно сходит с ума. Не верит ей, идет по поезду и видит, что вагон действительно пустой.

Он начинает считать вагоны и выясняет ошибку. Когда у него отлегло от души, он вернулся в свое купе и решил исправить ошибку: дал радиogramму на следующую станцию отцепить девятый вагон.

ДЕЛО БЫЛО НОЧЬЮ! Те, кто отцеплял, тоже были людьми нормальными и тоже умели считать до девяти. Поэтому они отцепили первый девятый вагон с мирно спящими людьми и отвезли его на запасной путь. После чего доложили бригадиру поезда.

Тот наконец облегченно вздохнул и дал отправление поезду. А сам стал готовиться ко сну. Он, быть может, и заснул бы. НО...

В ЭТО ВРЕМЯ проводница второго девятого вагона пришла к нему и говорит: «Мой вагон пустой...»

Не знаю, сошел ли с ума после этого рейса бригадир поезда, только мне эту историю рассказал человек, который ехал в первом девятом вагоне.

Поздно ночью он вышел покурить. Курил, курил, курил, курил и думает: «Чего это мы долго стоим?» Опять закурил — курил, курил, курил,

курил... Наконец не выдержал, выглянул в окошко, а ни спереди, ни сзади вагонов нет. Голая степь, луна и запасной путь...

Когда он рассказывал мне эту историю, я так смеялся, особенно когда он рассказывал, как он всех будил и они в чем мать родила выскакивали и пытались понять, где они находятся, что он даже обиделся на меня и сказал: «Вы зря смеетесь — в этом нет ничего смешного. Между прочим, мы все в этом вагоне ехали по туристическим путевкам в Венгрию!..»

Вот и пройдены первые пять тысяч метров! Ровно одна треть дистанции. Автор считает, что ни один стайер не сможет удержаться на дистанции, если вовремя не сбросит взятый на старте темп, не сделает передышки, не постарается сэкономить силы для финишной прямой. Поэтому автор предлагает в следующей главе смеяться значительно реже. Может быть, даже погрузить немного, чтобы сэкономить силы для заключительной дистанции и таким образом обмануть противника маневром. Поэтому вторая глава, не мудрствуя лукаво, так и называется

«ПЕРЕДЫШКА, ИЛИ ОБМАННЫЙ МАНЕВР»

КРОХОТНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Из отпуска Алена вернулась к себе на кафедру загорелая и загадочная.

— Ой, девочки, мне так повезло! — гордо сказала она с чувством восстановления за отпуск женского достоинства. — У нас была гениальная компания! Сплошные знаменитости.

Да, не зря она так долго готовилась к этому отпуску: худела, шила платя, козырьки, отрезала от туфель задники, чтобы получились сабо...

«Назовусь актрисой!» — мечталось ей на примерках дома перед зеркалом и на горном перевале, ведущем к прибрежной турбазе «Мечтатель», куда профком выдал путевку за самодеятельность. Внизу в объятиях мысов, как в лапах темно-коричневого краба, пригрелся на синем

солнце залив. А среди прибрежной зелени и карабкающихся на горы краснокрытых мазанок искрилось здание турбазы. Стекло и алюминий — мечта Чернышевского!

Номер Алене дали двухместный с лоджией и видом на горизонт. Когда она вошла, первое, что увидела, — мольберт. Стоял он посредине комнаты, в которой пахло масляными красками. К мольберту была прикреплена начатая картина — картонка с неровной линией горизонта, что виднелась за лоджией. Рядом в раздумье и крашенной крутами обтягивающей майке сидела худая девушка. Когда она повернулась, раздвинув руками длинные прямые волосы, точно занавеси поутру, у Алены отлегло. Не так уж красива. Во всяком случае, не лучше ее самой.

— Марта, — сказала девушка. — Художница. Располагайся.

К вечеру они выяснили, что говорят примерно на одном языке. Конечно, интереснее отдыхать на «тачке», но родители «зажимаются», а ехать с кем-то? Нет, обе они не ханжи, но зачем связывать себя? И так-то за зиму устаешь от этих постоянных ухаживаний. Обeim, оказывается, многие предлагали, но обе отказались. Надоело все это. Хотелось, наконец-то, одиночества, солнца и воды...

— Юрий Лимонов! — Невысокий человек с маленькими, как запястье, глазами и большой окладистой бородой, скрывающей возраст, а также неудачную нижнюю часть лица, встав из-за стойки бара, поцеловал Алена руку.

Да, Марта уже рассказывала ей про него. На вид неказист, но писатель. Фамилию слышать не могла, потому что он еще ничего не написал... то есть не напечатал. Работал на время. Сейчас, может, и поймут. Хотя народ в массе своей еще не созрел. Но среди понимающих и идущих впереди времени ценился необыкновенно и считался одним из самых-самых!

Лимонов сам угадал в Алене актрису. В нем, безусловно, было симпатичное!

Весть о том, что на турбазу приехала будущая знаменитость, снявшаяся уже в шести фильмах, из которых четыре прикроют, а два вот-вот должны выйти на экран (если, конечно, не прикроют), живо облетела отдыхающих. Долгожданный отпуск начался! Нет, она не боялась разоблачения. Ведь всех известных режиссеров Алена знала по имени-отчеству, кто на ком женат, сколько раз... Словом, в искусстве разбиралась, понимала его и любила.

— Моя бабушка была русской актрисой! — сказал с мягким прибалтийским акцентом сын канадского миллиардера, знакомясь с Аленой. — Каждый дворец в вашей стране кажется мне родительским домом.

Через два дня, проснувшись, Алена поняла, что влюблена. Вот бы подруги лопнули, если б узнали — в кого. Да-а, было в Тиме что-то такое, чего не было в мужчинах отечественных. Ну, а особенно далеко до него было, конечно же, Петру, бросившему ее зимой.

— Все эти актрисы замуж за иностранцев метят, — говорили на пляже одни.

— Мода, — соглашались другие.

Ах, какое все-таки счастье, когда о тебе говорят! Какое счастье весь день валяться на пляже и видеть, как проходящие мимо тебя мужчины втягивают в себя животы... Какое счастье — отпуск! Музыка неслась от их богемо-элиты из-под полотенца, которым укрыли приемник, топчась волны и прыгая по ним в сторону за границы.

Оказывается, у Тима был свой вычислительный центр. Самый центральный во всей Канаде. И еще бензоколонка где-то на Ванкувере. Но это уже так — мелочи.

Подолгу в первые дни знакомства стояли они вечером на парапете набережной, как настоящие влюбленные. Благо родители теперь вмешивались в ее личную жизнь только письмами: емь фрукты, не верь мужчинам, купайся, но не перекупывайся... В эти вечера усыпанная множеством звезд темнота казалась Алене ее загадочным будущим. Вот одна, крохотная, оторвалась, чиркнула по небосводу, но не зажглась, а тут же погасла...

В такие минуты она рассказывала Тиму о тех ролях, которые «уже сыграла», и о тех, которые хотела бы еще сыграть: Джульетту, Маргариту булгаковскую, бесприданницу... Петр бы даже слушать ее не стал. Ах, как далеко ему было до Тима!

Вместе ходили они на весь день в соседние бухты с призрачными названиями: «Бухта радости», «Залив счастья». И действительно, в эти дни Алена чувствовала себя и радостной, и счастливой. Катались на лодках, а на ночь нередко уходили в горы, где в лунном свете Тим напоминал Алене картину Тышлера. Шутка ли?! Лицо его красиво вытягивалось, и даже нос уже не казался такой картошкой, как днем.

Однажды Алена рассказала о своем открытии Марте. Оказалось, что и той Юрочка тоже в лунном свете напоминает картину. Только Шагала. А ведь шедевры волновали обеих еще в Москве. Бесспорно, отпуск удался как никогда!

Но ничто не вечно: ни любовь, ни жизнь, ни даже отпуск с присоединенными за работу в дружине отгулами. Первым уезжал Тим. Алена очень просила его задержаться. Но он не мог. Потому что без него, по его словам, в Канаде все могло пошатнуться. А с бензоколонкой просто могла произойти беда. И допускать этого он не имел никакого права.

— Жизнь — это тоже отпуск! Только с того света! — утешал Алenu Лимонов.

Никогда еще ни от кого она не слышала столько гениального, сколько за этот месяц от него, бегущего впереди времени.

Даже море, обычно зеленое, в день отъезда Тима посерело и сморщилось, словно постарело. Ветер лихо промчался по нему и проскочил в комнату, взвив к потолку белую занавеску.

— Зайчик ты мой! — сказала Алена, глядя в медные глаза Тима и от-

ражаясь в них, словно в старинном, давно не чищенном бабушкином самоваре. — Рыбонька! Неужели никогда больше не увидимся!

— Наши с тобой жизни, как две непараллельные прямые, — преодолевая рыдания и акцент, выдал на прощание из себя Тим. Он никогда не говорил так много по-русски сразу. — Они всего один раз пересеклись и больше никогда не встретятся!

Алена чувствовала себя такой несчастной, что была счастлива. Тем более что Лимонов обещал написать об их безысходном романе роман. Он, опережающий время, даже пробежался чутко за поездом, увозящим в плацкартном вагоне через Литву прямо в Канаду миллиардера-канадца.

— Тимоха! В этом году буду в Вильнюсе — обязательно позвоню, еще кутнем! — крикнул он вдогонку, но Алена этого не слышала, и не хотела слышать.

Вечером проводили писателя.

В эту последнюю ночь на турбазе в их с Мартой номере печально пахло собранными вещами, морским воздухом и прощальным рислингом. Запах масляных красок за эти дни выветрился окончательно, а горизонт на картонке по-прежнему не хватало моря, неба и гор...

«Вот и все!» — Долго не могла заснуть Алена. И снова кафедра с ее серыми сплетнями, обязательной общественной работой и ежедневными вставаниями по будильнику. Да, но ведь и снова шитье нарядов, снова подготовка к отпуску, авитаминоз от перехудания, а потом снова отпуск и... снова крохотные, опадающие от темного будущего звезды...

— Один канадец, очень богатый, даже сделал мне предложение! — рассказывала Алена обступившим ее подругам про отпуск, увидев, что в комнату заглянул Петр. — Все хотел увезти. Вычислительным центром заведовать предлагал... — И еще — бензоколонкой.

— Ну а ты?

Дверь за Петром противно захлопнулась.

— А что я? — Алена пожалала плечами. — Не ехать же из-за бензоколонки...

ДЕЛА НА ГОД

20 лет

Бросить курить!

Поступить, как и Аркашка, на курсы французского языка!

Собрать лучшую в группе библиотечку-отечественной и зарубежной фантастики!

К зиме сшить себе теплую стеганую куртку 48-го размера!

Запломбировать два верхних зуба! После чего сделать предложение Оле и, если она откажет, жениться на Кате!

Регулярно посещать тренировки по волейболу, чтобы попасть в сборную города и съездить с ней на международные соревнования!

Папе, маме и бабушке привезти оттуда джинсы...

А, главное, окончить институт, не напрягаясь, потому что, как говорят сокурсники, лучше иметь синий диплом и красное лицо, чем красный диплом и синее лицо!

30 лет

Как можно быстрее закончить чертежи аэродинамической трубы, чтобы, вернувшись с симпозиума в Париже, Аркадий дал мне ведущего инженера!

Бросить курить!

Вырвать два верхних зуба.

К зиме сшить себе теплое стеганое пальто 54-го размера.

По утрам делать полтора часовые пробежки по скверу и к лету похудеть настолько, чтобы в новых джинсах мог не только стоять, но и сидеть.

Французский выучить до такой степени, чтобы мог на нем свободно читать со словарем.

С Настей развестись по-хорошему. И имущество пополам: мне квартира, мебель, книги... Ей — дети и бабушка!

40 лет

Несмотря на ошибки в чертежах, как можно скорее собрать аэродинамическую трубу, чтобы, вернувшись с конгресса в Риме, Аркадий Михайлович дал мне ведущего инженера!

Бросить курить натошак. Более семи сигарет.

Поставить два верхних зуба!

Вырвать четыре нижних.

К зиме справиться детям полушубки.

Собрать библиотеку Всемирной литературы и за год прочесть.

Хотя бы два тома.

Французский выучить до такой степени, чтобы мог на нем свободно читать франко-русский словарь.

По утрам делать полтора часовые пробежки по балкону и к лету похудеть настолько, чтобы в новых джинсах мог дышать, не расстегиваясь.

Жену на лето свозить в Прибалтику и к невропатологу. Перед отъездом в квартире произвести ремонт, переклеить обои, вывести тараканов...

50 лет

Несмотря на ошибки в чертежах и неправильную сборку, запустить аэродинамическую трубу и, если останусь жив, потребовать ведущего инженера.

Старшему сыну накопить денег на теплое зимнее пальто 58-го размера. А заодно и себе на варежки.

Осенью к зиме заготовить соленых грибов, а все двери обтянуть пленкой под дерево.

С Нового года во что бы то ни стало бросить курить, затягиваясь. Подписаться хотя бы на Малую медицинскую энциклопедию, а на ночь приучиться пить только чай. Без сахара. Без заварки.

Французский выучить до такой степени, чтобы мог прочесть, что написано на джинсах, которые сын привез из Грузии.

На лето с женой съездить в Подмосковье. Из подмосковного леса привезти какую-нибудь корягу, похожую на Аркадия Михайловича. Поставить ее в прихожей и каждое утро, уходя на работу, пинать ногами!!!

60 лет

Устроить внука в детский сад с французским уклоном. И начать учить язык вместе с ним.

Количество приседаний по утрам на балконе довести до трех.

Договориться с хорошим зубным врачом. Для сына.

Бросить мечту бросить курить.

С Аркадием Михайловичем помириться. Жену через него положить в хорошую больницу на обследование. В ее отсутствие переклеить в комнатах обои, на балконе посадить ее любимые анютины глазки, а звонок в прихожей сменить на «ку-ка-ре-ку!»

Из морально устаревшей аэродинамической трубы сделать кондиционер для кухни, чтобы все запахи со сверхзвуковым перегонять к соседям. Самому уйти на пенсию. Снять домик за городом вроде того, что был у нас когда-то в Прибалтике. И, когда жена выйдет из больницы, уехать туда вместе с ней.

Не забыть на это время попросить у кого-нибудь Диккенса. Надо же его когда-нибудь в жизни прочесть!

70 лет

(последняя запись в дневнике)

Вчера мне исполнилось семьдесят лет! Были Аркадий с Валей! Веселились, как в двадцать! Аркашка много рассказывал нам о Париже, Венеции, Неаполе... Но, самое главное, он весь вечер завидовал тому, какой я замечательный инженер! В скольких странах он ни был, а такого кондиционера, как у нас на кухне, нигде никогда не видел!!!

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Украшенная разноцветными лентами «Чайка» остановилась у подъезда. Сначала из дома вышли довольные родители, за ними — сами виновники торжества, наконец, нарядные друзья, родственники. Кавалькада машин во главе с «Чайкой» торжественно потянулась к загсу.

В загсе пришлось ждать. Но это не огорчало. Слишком долгожданным был для них этот день! Подъезжали все новые и новые гости, дарили цветы, поздравляли, говорили, что они здесь самые красивые...

Наконец, их пригласили в зал регистрации. Нарядная и торжественная хозяйка зала регистрации встретила их профессионально приветливо:

— Уже по вашим лицам, — сказала она, — я вижу, что решение, к которому вы пришли, не случайно. И я не сомневаюсь в подлинности ваших чувств. Пускай же этот день запомнится вам на всю вашу жизнь! И он запомнится вам! Я уверена в этом! День вашего развода!

Волеению не было предела. Три месяца назад он сделал ей это предложение. Как она обрадовалась! Тут же позвонили родителям — обрадовать стариков. Радостное событие решили праздновать, поэтому уже на следующий день подали заявление. Но желающих было много. Пришлось ждать, готовиться, считать дни.

— А теперь, — хозяйка зала регистрации обратилась к ней, — согласны ли вы развестись со своим мужем?

Она немного подумала, потом счастливо ответила:

— Да, согласна!

Он, как и подобает настоящему мужчине, ответил сразу, не думая.

— Тогда, — обратилась женщина к нему, — снимите кольцо с руки вашей бывшей супруги и бросьте его на это серебряное блюдечко.

Кольцо не снималось. С тех пор, как они были здесь в прошлый раз, она носила его постоянно. От бесконечных стирок, мытья посуды, уборок квартиры пальцы изменились. Особенно в суставах.

Кто-то из гостей пошутил, мол, ничего страшного, волнуется, все-таки в первый раз снимает. Еще научится!

Наконец, ее кольцо звонко упало на серебряное блюдечко. Рядом послушно легло его кольцо. В зале раздались аплодисменты, а женщина-регистратор объявила их брак расторгнутым навсегда. Когда выходили из зала, оркестр играл марш Мендельсона в миноре. В соседней комнате пили шампанское, били бокалы и рвали фотографии. Особенно быстро рвал их местный фотограф.

А после загса по их обоюдному желанию кавалькада машин двинулась по городу. Им в последний раз захотелось вместе взглянуть на те улицы, по которым гуляли столько лет, на магазины, где в первые годы супружеской жизни покупали все для новой квартиры.

Долго смотрели на город с Ленинских гор.

— Ты такая красивая сегодня,— сказал он.— Это платье, оно так идет тебе.

— Я никогда не думала, что ты можешь быть таким веселым, предупредительным и заботливым! — улыбнулась она и поправила руками разметавшуюся от ветра вчерашнюю трехчасовую прическу, из-за которой сегодня ей пришлось спать сидя.

А дома их уже ждали накрытые столы.

Первый тост по традиции говорили свидетели.

— Да, они действительно холодно жили в последнее время. Его ничто не интересовало, кроме своей работы. За три последних года они всего раз сходили в кино. Но билетов не достали. Два раза были в прачечной. Но там им нагрубили. С тех пор совсем перестали выходить в свет вместе. Дома он всегда чувствовал себя одиноким, а у нее не было времени помочь ему в его одиночестве. После работы крутилась по хозяйству, ходила при нем непричесанной, в стоптанных тапочках и заношенном халате. Чтобы не раздражаться, он и вовсе перестал замечать ее, словно она постоянно была при нем в шапке-невидимке...

Тост был долгим, поэтому «Сладко!» гости кричали особенно громко.

Под дружеские и продолжительные аплодисменты они по-товарищески пожали друг другу руки...

— У тебя потрясающие духи! — сказал он, садясь обратно за стол.— Откуда?

— Как-то с аванса купила. Мне года три назад зарплату повысили. Вот решила купить! — Она заботливо положила ему в тарелку салат.— Попробуй... Этот рецепт я сама изобрела!

— Замечательно! — одобрил он.— Раньше ты такой не готовила...

— Повода не было. Праздника какого-нибудь ждала. Вот еще тарталетку возьми.

— Спасибо, спасибо... — поблагодарил он.— И что, намного повысили?

— Что?

— Зарплату...

— Как всегда после защиты...

— Ты кандидат наук?! — Тарталетка выпала из рук и шлепнулась на пол по закону тарталетки — паштетом вниз.

— Опомнись... Не поднимай, я потом уберу. Возьми другую. Вот эту... Я уже докторскую заканчиваю!

Их разговор прервал его отец тостом, который был обращен к ее матери.

— Наконец-то я никогда больше не увижу вас в своем доме! — сказал он.— Какое счастье!

Развеселившиеся гости им тоже кричали «Сладко!». И они на радостях жали друг другу руки гораздо дольше своих детей.

— Когда-нибудь я буду гордиться тобой! — сказал он.— Давай вы-

пьем за нас с тобой. Все-таки десять лет... Почти не ссорились. Оба столько успели... Словом, есть за что! Верно?

— Верно! — согласилась она.

— Ты что больше любишь? Шампанское или вино? Я что-то забыл...

От выпитого шампанского их еще больше потянуло на разговор.

— Ну, а что бы ты хотела в будущем? — спросил он. Они разговорились. Она рассказала ему о своих мечтах. Оба со смехом отметили, что мечтают примерно об одном и том же. Это показалось им очень забавным. И они снова выпили шампанского.

— Какой сегодня замечательный день! — сказала она. — Мне еще никогда в жизни не было так хорошо, как сегодня...

— И мне, — сказал он. — Пойдем, потанцуем?

Расхотелись гости поздно. На прощание снова кричали им «Сладко!» и снова заставляли их жать друг другу руки, хохотали до колик, завидовали: мужчины ему, женщины ей... Благодарили за чудесный вечер, забирали подарки, даренные к свадьбе.

— Ну, ты довольна? — спросил он, когда они остались одни среди груды немытой посуды.

— Очень! Сегодня был лучший день в моей жизни! — сказала она, поднялась на цыпочки и дружески поцеловала его в щеку. От этого поцелуя он осмелел и обнял ее.

— Ты что? — удивилась она. — Зачем тебе все это?

— Выходи за меня замуж! — сказал он.

— Мы слишком мало с тобой знаем друг друга! — сказала она и попыталась отстраниться.

— Неправда! То, что я узнал сегодня о тебе, мне очень нравится, и я уверен, что мы подходим друг другу!

— Все равно, один день — это слишком мало, чтобы делать столь серьезное предложение. Мы уже не в том возрасте... Надо все обдумать.

— Что тут думать?! Я люблю тебя, ты любишь меня. Я это видел сегодня по твоим глазам, — он попытался поцеловать ее.

— Нет, нет... Только не это! — Она вырвалась из его объятий и от смущения стала поправлять окончательно развалившуюся прическу.

— Ну почему же?

— До свадьбы нехорошо! — сказала она и пошла мыть накопившуюся за вечер посуду, предварительно надев на себя заношенный халат...

ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

После ухода гостей молодожены начали разбирать подарки.

Сначала отложили в сторону книги, посуду, вазы, статуэтки... Все эти сувениры, конечно, радовали... Но не настолько, чтобы долго задерживать на них внимание. Скорее хотелось добраться до самых дорогих по-

дарков. Так ребенку за обедом обычно хочется быстрее добраться до десерта.

— Вот! — сказал он, взяв с подноса конверт. — Это от Кузьмы Павловича!

— Опять деньги? — скучно спросила она.

— Ты что, подымай выше!

Он распечатал конверт и достал оттуда листок бумаги с рабочим и домашним телефонами, адресом и краткой аннотацией.

— Вот это подарок! Это я понимаю! — неподдельно обрадовался он, прочитав аннотацию. — Это телефон и адрес бригадира всех кассирш театральные касс города! Пишет, что с ней уже обо всем договорился. И что дарит нам это знакомство от всей души. Сказать, что от Кузьмы Павловича. Иначе к ней не пробиться. Сам он от этого знакомства отказывается в вашу пользу. И это знакомство у нас теперь на всю жизнь!

— Другое дело! — Она взяла у него бумагу и стала ее перечитывать, словно не поверила. — Действительно, так и пишет... На всю жизнь! Не то, что Максим с Леной... Цветы принесли. Они и медовый месяц не простоят...

— А вот от Ксении Вячеславовны... — он распечатал еще один конверт. — Посмотри, что она нам подарила! Знакомство с лучшим женским парикмахером нашего города! Шутка ли?! Адрес, телефон и пароль, по которому в этой парикмахерской будут принимать в порядке той очереди, которая без очереди. Молодец, Ксения Вячеславовна! Не поспешила! — Он с восхищением посмотрел на вынутую из конверта бумагу.

— Ну, Ксения Вячеславовна никогда не была скупой. — Она через его плечо взглянула на бумагу и тоже полюбовалась ею.

В третьем конверте оказался телефон заведующего книжным магазином.

— Зачем нам заведующий книжным магазином? — искренне огорчилась она. — У нас уже есть один заведующий книжным магазином. Вот Ириша! Всегда приносит в подарок то, что и без нее есть.

— Ничего страшного, — успокоил он ее. — У Нади скоро день рождения, мы его подарим ей. Вернее нет, — он еще раз пробежал глазами карточку, — этот магазин ближе к нашему дому. Поэтому мы ей нашего старого заведующего подарим, а этого возьмем себе.

— А не слишком ли для Нади будет? Такой подарок?

— Думаю, что нет. Она же подарила нам сегодня тренера по фигурному катанию для наших будущих детей. Конечно, знакомство с тренером по нашим временам дешевле знакомства с заведующим книжным магазином, но ненамного. Примерно на одного художника, с которым Надя как раз и была у нас сегодня в гостях. Вот его визитка, а вот две картины. Все это в будущем, кстати, можно обменять на какое-нибудь более деловое знакомство.

— Тогда и этого композитора тоже на что-нибудь обменять можно? — предложила она, выбрав из стопки визитных карточек одну.

— Можно, но очень сложно! — Он покачал головой. — Даже если его взять со всеми его песнями, это знакомство потянет не больше, чем на одну приемщицу белья в прачечной. А мы еще не настолько с тобой богаты, чтобы делать дешевые знакомства.

Он разложил на столе визитки, адреса, телефоны, как будто это были элементы таблицы Менделеева. И они вдвоем склонились над столом. Она даже скинула с себя фату, мешавшую следить за его действиями. Наконец, он первым нарушил молчание.

— Я предлагаю объединить художника с композитором, к ним добавить двух писателей с их новыми романами. Романы в подарочном издании, поэтому представляют некоторую ценность. Тем не менее к ним добавить еще и директора «Березки»...

— Директора «Березки» я ни на что не променяю! — перебила она.

— Это директор не магазина «Березка», а ансамбля «Березка», — уточнил он.

— А, тогда ладно, тогда меняй, — согласилась она.

— Теперь, — продолжил он объяснять ей, указывая карандашом по очереди на разные клетки таблицы, словно полководец, разрабатывающий план решающего наступления, — чтобы всю эту «могучую кучку» не менять за бесценок, у твоей мамы берем займы ненадолго ее стоматолога. У нее отличный стоматолог! Когда он входит в Дом кино, все артисты встают и улыбаются ему его же зубами.

— А если она не согласится? — выразила она неуверенность.

Но у него уже на все был готов ответ.

— Тогда мы у нее его выменяем!

— На что?

— Вот на этот расписной пятилитровый чайник со свистком. Нам их сегодня два подарили.

— Ты думаешь, этот чайник потянет на знакомство со стоматологом? — снова выразила она неуверенность.

— Если бы он был трехлитровый, то не потянул. А пятилитровый — потянет. Тем более что у твоей мамы склероз. Она уже за год пять чайников к горелкам приварила. Словом, она уже в том возрасте, когда чайник со свистком важнее стоматолога. Жаль, что сковородки со свистком не продаются...

Он засмеялся своей шутке. Но она его одернула:

— Не отвлекайся, уже три часа ночи. И мы же так главного сделать не успеем.

— Да, ты права, дорогая, — спохватился он, — и так глаза слипаются. А нам еще самое главное успеть надо! В общем, предлагаю это все обменять, знаешь, на что?

— На директора гастронома со своим шофером, который бы достав-

лял нам продукты прямо на дом, да? — обрадовалась она и даже захлопала руками в ладоши, как ребенок.

— Нет, это слишком мелко, дорогая... — Он улыбнулся. — Какая ты у меня все-таки еще маленькая...

— Ой, ну, пожалуйста, давай заведем себе своего директора с шофером... Я так мечтала всегда об этом. Даже в детском саду мы с подружками всегда играли в директоров со своими шоферами...

— Подожди, милая, — он впервые за вечер поцеловал ее без крика «Горько!». — Не расстраивайся, а послушай, что я предлагаю. Директор гастронома — это какой-то архаизм. Этими знакомствами еще наши бабушки с дедушками жили. А мы должны жить по-современному, я бы даже сказал, опережая время. Поэтому я предлагаю все эти разрозненные знакомства обменять всего на одного человека. Одного, понимаешь? Но который может достать все! Сейчас такие есть. Немного. Человек семь на весь город. Но у Тани с Сережей один из них есть. Вот у них его и выменяем!

Предложение ее заинтересовало настолько, что она даже перестала плакать.

— Да, это ты здорово придумал. Но, скажи, если этот один человек может достать все, то зачем им одно это знакомство менять на десять разрозненных?

— И все-таки они обменяют! — уверенно сказал он. — Но только в одном случае...

Он не решался ей сказать. Она поняла это и сразу насторожилась.

— Что ты имеешь в виду?!

— Ты не сердись... Но придется пожертвовать вашей дружбой с Мишкой. Он сейчас и как актер популярен, и в компании никогда спеть не отказывается. За дружбу с ним они что хочешь отдадут.

— А не слишком ли это дорогая плата? — засомневалась она. — Дружбой со знаменитостями не следовало бы браться.

— Это он сегодня знаменитость. А пройдет немного времени, и его все забудут. К тому же в нашей компании он уже давно никого не удивляет. Вот и получается, что менять его надо сейчас, пока он на пике, — иначе будет поздно и мы его уже вообще ни на что дельное не обменяем.

На этот раз задумалась она. Он ее с ответом не торопил. Как старший, понимал, что она впервые в жизни просчитывает в уме такую многоходовую комбинацию. Наконец, она неуверенно сказала:

— Все равно, дружба с Мишкой слишком мне дорога, чтобы я ее прямо так променяла. Пускай дают еще три палки сервелата.

— Какого?

— Финского.

— Ты думаешь, Мишка на финский потянет?

— А ты думаешь — нет? Мишка сейчас популярнее любого деликатеса. Уж как моя мама готовит, и все равно, когда он начинает петь, все

гости перестают есть. А при этом у нас всегда на столе стоят и крабы, и икра...

Они долго еще спорили, обсуждали, перекладывали адреса, телефоны, пароли... Под утро все было кончено. Два метрдотеля, приемщица в комиссионном, инструктор собачьей выставки, разрешение нарушать дорожные знаки и на любой стройке стоять под стрелой... Скорняки и парикмахеры, квартирные маклеры и председатели дачных кооперативов, кассиры и механики автосервисов и бензозаправки всех видов бензина... И даже человек, который может в любой момент достать все, вплоть до хорошего солнечного места неподалеку от города на достаточном престижном кладбище...

— Ну теперь у нас все есть с тобой для счастья? — спросил он, вставая из-за стола.

— Теперь все! — счастливо ответила она.

— Как ты думаешь, мы ничего не забыли? — Он подошел к окну и потянулся. — Смотри, уже светает.

— По-моему, ничего не забыли. — Она еще раз взглянула на заполненные ячейки таблицы, потом тоже подошла к окну и тоже потянулась.

— Вот только главного не успели. Уже так спать хочется.

— Да, не успели... Но ничего — завтра воскресенье. За день выспимся и вечером со свежими силами займемся главным, — он обнял ее, — будем отбирать себе друзей! Думаю, что за один день справимся? Да?

— Конечно, справимся, — она зевнула и отстранилась от него. — А теперь давай спать. Я так устала за сегодняшнюю ночь.

— И я. Ты знаешь, я никогда не думал, что наша первая брачная ночь будет такой трудной. Все тело ломит...

Они разделись и легли спать.

— Спокойной ночи, дорогой, — уже засыпая, сказала она. Но он ей не ответил, потому что спал.

Выглянувшее из-за новостроек солнце ударило по тяжелым шторам, но не пробило их. Наступало их первое брачное утро. Как и все молодые в это время, они спали крепким мечтающим сном...

МЫ ЖИВЕМ ХОРОШО!

Мы с женой живем хорошо!

У нас замечательный телевизор! У него трубка по японской лицензии сделана в Финляндии. Правда, все остальное сделано у нас. Поэтому вторая программа рябит, а третья не работает. Но когда приходят гости, мы включаем первую программу, они искренне завидуют тому, какие не наши цвета у нашего телевизора!

Машина у нас последней доступной нам престижности. «Москвич», который наши разработали совместно с французской фирмой «Рено».

Причем он у нас из первой партии. Это важно! Как утверждают специалисты, в первый партии все детали еще французские. Правда, стоит она в нашем кооперативном гараже, до которого надо ехать на электричке. Поэтому мы показываем гостям лишь фотографию нашей машины и рассказываем им о том, как она хорошо ездит, но не рассказываем о том, как она плохо тормозит. Видимо, одна деталь все-таки попала наша. И гости завидуют нашей машине, глядя на ее единственную фотографию, которую мы успели сделать еще до того, как поняли, что она плохо тормозит.

Одним словом, у нас много есть такого, чему завидуют наши гости. Например, кран в ванной. Французский. Но его собирал наш сантехник. Долго ругал их мудреные прокладки. После чего поставил наши — немудреные. Теперь с душой то и дело слетает ситечко и бьет по голове. Поэтому, когда принимаешь душ, надо придерживать ситечко рукой. Но гости душ не принимают. Они завидуют нашей ванной комнате в целом. Когда женщины заходят в нее, они обычно говорят: «Если бы у меня была такая ванная, я бы купалась в ней с утра до вечера!» Они не знают, что купаться в нашей ванне невозможно. Пробка серебряная с глубокой позолотой, оставшаяся, как говорят те, кто нам ее продал, от личной ванны Павла I, по диаметру в два раза меньше отверстия в самой ванне. Поэтому, когда ложишься в нашу ванну, надо отверстие затыкать собственной пяткой, а пробкой любоваться, как произведением искусства.

У всех гостей без исключения вызывает умиление наша дочь. Перед тем как сесть за стол, мы ставим ее на стул, и она читает нам наизусть с выражением два стихотворения Цветаевой и одно Мандельштама. И все гости восхищаются таким глубоким пониманием поэзии в три года. После этого мы быстро снимаем ее со стула и уносим из комнаты, потому что от себя она говорит только словами, принесенными из детского садика.

Почти всем гостям хочется хотя бы разок позвонить по нашему кнопочному телефону. У него есть блок памяти на тридцать два номера, кнопка повтора набора номера и кнопка отключения микрофона. На которую можно нажать, сказать жене все, что ты думаешь о том, с кем ты разговариваешь. И тот, о ком ты все это думаешь, и не услышит то, что ты о нем думаешь. Она испортилась первой. Я узнал об этом из последнего разговора со своим тестем.

Больше, чем телефону, гости завидуют только нашему насквозь японскому приемнику с расширенным диапазоном коротких волн. Правда, я не пойму одного... То ли их вещи в наших условиях долго не живут, то ли наши батарейки не тянут, то ли мы живем в таком районе Москвы, куда даже короткие волны не доходят... Только с некоторых пор он ловит у нас лишь первую программу и «Маяк». Причем с таким шумом, что, когда по нему слушаешь наш «Маяк», создается ощущение, будто кто-то от нечего больше глушить начал глушить песни Пахмутовой на слова Добронравова!

Но гости этого не знают. Они обычно восхищенно переводят взгляд с приемника на французский будильник конца прошлого века. Один из гостей, когда узнал его стоимость, сказал, что за такие деньги он бы сам мог приехать к нам каждый день и будить до конца жизни. Он не звонит тогда, когда надо, а когда ему самому захочется. И мы перестали им пользоваться с тех пор, как жена, послушавшись его, ушла на работу в половине четвертого ночи. Прождав тщетно автобуса, вернулась домой в половине шестого. Прилегла на минутку до половины двенадцатого. И получила строгий выговор за то, что проспала начало рабочего дня в период введения дисциплины, когда стали строго следить за тем, чтобы во время рабочего дня все спали на своих рабочих местах, а не дома.

Но все-таки больше всего гости завидуют нашим с женой отношениям. Какие они у нас интеллигентные и ласковые! Просто они не знают, что вот уже много лет за полчаса до прихода гостей мы заключаем с ней перемирие. И целуемся только на людях. Может, поэтому мы и бываем так счастливы, когда к нам приходят гости...

Автору самонадеянно показалось, что он прав. Передышка удалась. А благодаря оптимизму последнего рассказа предыдущей главы, в котором утверждается, что мы живем хорошо, пришлось наконец такое необходимое сейчас

«ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ»

ФОТОГРАФИЯ (монолог ветерана)

На моем столе стоит пожелтевшая от времени фотография. На обратной стороне карандашом написано: «Школьный выпускной вечер. 22 июня 1941 года».

Было три часа утра. После вечера мы гуляли по ночной Москве. Никому не хотелось домой. Позади было десять лет школьной дружбы. Впереди вся жизнь.

«Какая чудесная ночь! — сказала тогда на Красной площади Люба. — Ребята! Вот увидите, эта ночь запомнится нам на всю жизнь!»

Куранты били четыре часа утра.

Люба на фотографии в самом центре. В петлице у нее маленькой ранкой краснеет гвоздика, подаренная первой учительницей.

Позже мне встретятся стихи, которые я всегда повторяю про себя, когда смотрю на эту фотографию.

*Целовались, плакали и пели,
Шли в штюки и прямо на бегу
Девушка в простреленной шинели
Разбросала руки на снегу...*

Рядом со мной, с краю на фотографии, стоят два моих лучших школьных друга — Сережка и Витька. Сережка жил на Сретенке, а Витька — на Чистых прудах. Но так часто в жизни я повторяю про себя строчки дорогой мне песни, что теперь и сам верю: Сережка каждый раз опаздывал в школу, потому что бежал с Малой Бронной, а Витька, наоборот, жил рядом — на Моховой.

Есть у меня и другая фотография. Она стоит рядом. Вечер встречи в 46-м году. Тот же класс... Та же ученическая доска... Те, кто пришел на этот вечер, в память о своих товарищах стоят на тех же местах, что и на выпускном вечере. Между многими чернеет ученическая доска. Нет Любы, нет Сережки с Малой Бронной, нет Витьки с Моховой, нет комсорга-очкарика, нет Боцмана-второгодника, нет учителя физкультуры... А лица тех, кто пришел на вечер, повзрослели на Отечественную войну.

Позади нас четыре года войны, а впереди опять вся жизнь.

Конечно, после войны каждый из нас строил свою жизнь как мог, как умел. Но каждый из нас всегда помнил об этих фотографиях и понимал — жить надо так, чтобы, подходя к ним, никогда не краснеть перед глазами Любы, Витьки, Сережки, Очкарика и Боцмана...

Теперь многие из нас уже пенсионеры. На последнем выпускном вечере нас было еще меньше. Почти все ветераны. Высокое, почетное звание... Ветеран!

А недавно ко мне подошла моя внучка. И сказала:

— Деда, купи мне кроссовки?

— А почему я?

— Потому что ты ветеран, деда!

— Кто тебе, внученька, об этом сказал?

— Мама.

— А что же она сама меня об этом не попросила?

— А она боится тебя, деда. Ты же у нас сердитый. Ты воевал.

А у нас в садике уже всем дедушки, которые воевали, кроссовки купили.

Ну, рассердился я, раскричался, валерианки вшил, а успокоиться не могу. «Что это значит? — думаю. — В садике всем дедушки, которые воевали, кроссовки купили?»

Словом, не выдержал я, поехал в магазин. Взглянуть, правду ли родственники мои говорят?

Да-а, такую очередь я видел только раз. В Ленинграде. Только там все тихо стояли. А тут? Боже мой... Один, этак моего возраста, кричит: «Пропустите ветерана, товарищи! Я ветеран! Мне без очереди положено!» И рвется, знаете, да так локтями работает, будто оборону противника прорывает.

Ну, схватил я его за шиворот.

— А ну кончай, — говорю, — хулиганить! Зачем людей толкаешь?

А он как закричит на всю очередь:

— Как вы смеете со мной так разговаривать? Я инвалид войны!

Я говорю:

— Если ты инвалид войны, зачем тебе кроссовки?

Он смутился, говорит:

— Я... я... Я нормы ГТО сдавать должен. У нас на предприятии всех заставляют. И вообще, что вы меня держите, пропустите, я под Курском ранен был.

Я говорю:

— Я тоже под Курском ранен был. Видишь, в одних окопах сидели. Не для того, чтобы в очереди за кроссовками подраться. Ты в чьей, — спрашиваю, — армии воевал?

А он словно не слышит, что я спрашиваю. Одно твердит и перед моим носом красной книжечкой машет.

— Я ветеран. Пропустите. Я жаловаться буду. Мне государство право дало без очереди все покупать. А вы, — это он мне, — хулиган, а не инвалид!

Ну, тут я не выдержал, схватил его в охапку и понес к выходу:

— Ах ты вошь, — говорю, — тифозная! Тебе не государство право дало. Тебе люди это право дали. Из уважения к тебе. За то, что ты Родину защищал. Тебе, понимаешь? Тебе! А не детям твоим! И не внукам! Чтобы ты на них это право распространял... И этим правом, как им захочется, пользовался...

Старушка какая-то смотрит, как я его несу, говорит:

— Вот это верно, сынок. Так его! Он сегодня утром белье женское без очереди брал...

В очереди шум, смех, все смотрят. Девушка говорит:

— Смотрите, смотрите! Ветераны дерутся! Наверное, кроссовки не поделили.

А одна молодая женщина другой, не стесняясь меня, говорит:

— Давно пора. Так им и надо! Недавно в кассу железнодорожную прихожу, а билетов нет. Я кассира умоляю. Поймите, к мужу еду. Слушит он у меня. Ну, она и сжалилась. «У меня, — говорит, — ничего нет. Но! Вон видите, в том углу дядя Федя стоит. Это наш вокзальный ветеран. Вы ему пятерочку сверху накиньте, он вам и возьмет. Ему я имею право билет продать. Да вы не бойтесь. Он свой человек. Я ему сегодня уже двадцать билетов продала».

Обмер я от таких слов. А другая женщина ей отвечает:

— Это что! Я как-то на «Бонни М» пойти хотела, думала, может, бронь выкинут. А кассирша говорит: «Что вы?! Всю бронь на «Бонни М» ветераны выкупили!»

Застучало у меня сердце от таких слов.

— Ну,— говорю,— слышал, негодяй, что ты позоришь? Слово «ветеран» ты позоришь! Ты и такие, как ты!

В это время милиция подошла. Отвели нас в отделение. Так что вы думаете? Липовый оказался он инвалид. Трамваем его ударило. Лет пятнадцать назад. Пьяного. В милиции его уже как облупленного знали. Старшина говорит: «К сожалению, теперь много таких стало. Откуда только документы берут? Отец мой подводник. Он во время войны руку потерял. Никогда он себя так вести не будет, как этот... И мы его никогда ни о чем не просим. Хотя иногда, честно говоря, так хочется... Впрочем, это неудивительно. Удивительно, что друзей-ветеранов у отца с каждым годом становится все меньше, а в очередях — их все больше! Но вы не волнуйтесь. Мы этим еще займемся. Спасибо вам за помощь! Теперь он у нас так просто не отделается».

Полегчало у меня на душе. Ну не может, не может, думаю, тот, кто помнит немецкие танки, кто детей из концлагерей освобождал, кого женщины благодарных стран с хлебом-солью встречали, кто товарищей своих потерял — Сережку с Малой Бронной и Витьку с Моховой,— на кого глаза Любы смотрят в тот выпускной вечер... Не может тот так... Хотя всякое бывает, я понимаю... Не удалась жизнь после войны у кого-то. Уступил своей совести разок, другой... Глядишь, и совсем ее потерял. Тогда тот все это вспомнить должен.

На нас, ветеранов, многие равняться хотят. Советов — у кого? У нас спрашивают. Трудностей много. Перед теми, кто, Родину защищая, погиб, мы до конца своих дней за эту Родину в ответе. И никогда об этом забывать нам нельзя.

Я смотрю на пожелтевшую от времени фотографию. Мои друзья! Они навсегда остались молодыми, смеющимися... Люба, Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой...

ДОРОГОЙ ЗВОНОК

От метро я решил позвонить начальнику и предупредить, что опоздал и поэтому опоздаю. Правда, у меня не было «двушки». Но рядом был табачный киоск.

— Вас много, а я одна! — ответила большая продавщица в маленьком окошке.

Однако позвонить надо было. Поэтому, зайдя за угол, я снял пиджак, чтобы она не догадалась, что это снова я, во второй раз подошел к кио-

ску, протянул ей три копейки и попросил спички. Теперь она просто обязана была дать мне сдачи две копейки. Но на блюдечке в окошке вместо трех копеек появились три коробка спичек. Спорить с ней из-за двух коробков было неудобно. Поэтому я снова зашел за угол, причесался на другую сторону, опять подошел к киоску и, чтобы она меня не узнала по голосу, с мягким прибалтийским акцентом попросил ремешок для часов за два рубля девяносто восемь копеек. На этот раз расчет мой был точным! Дать два ремешка она мне не могла, потому что я предусмотрительно протянул ей только три рубля. Но на блюдечке в окошке появился ремешок и два коробка спичек...

— Мне не нужны спички! — сказал я, от возмущения потеряв отретированный за углом акцент.

— А у меня больше ничего нет! — отрезала она. — Если не хотите спички, могу дать зубочистки!

Я посмотрел на часы. Время поджимало.

«Ладно, если у нее нет двух копеек, позвоню десятью!» — решил я. Быстренько отретировав за углом походку знакомого радикулитчика, я снова подошел к киоску и с восточным — для внушительности — акцентом потребовал деревянного щелкунчика для орехов в виде Мефистофеля за семь рублей девяносто копеек!

Полученные десять копеек оказались гнутыми. И застряли в прорези автомата. Покупать второго щелкунчика не имело смысла. Впрочем, как и первого. Поэтому, сторбившись и хромая, я подковылял к киоску и, заикаясь, чтобы она не узнала меня по голосу, попросил большую настольную папиросницу за двадцать три рубля девяносто копеек, которая при нажатии на кнопку «Пуск» сама выкидывала сигарету в рот курящему. На этот раз сдачу я получил двумя пятаками.

Следующей моей покупкой была кошелка. Не из-за сдачи, а из-за того, что мне надо было куда-то сложить купленные мной вещи.

Потом я еще несколько раз подходил к киоску. Однако сдачу мне давали то пятаками, то юбилейными монетами, то, наконец, леденцами, которые терпеть не мог с детства.

Оставался последний шанс. Женское янтарное кольцо за шестьдесят рублей восемьдесят копеек! Как ни крути, а две или десять копеек я должен был получить!

Только фантазия на акценты и походку у меня уже исчерпалась. Правда, я еще ни разу не подходил к киоску женщиной. Большие пухлые платки продавались в магазине напротив. Когда за углом я примерял оренбургский платок и пытался сдвинуть на лоб челку, ко мне подошел милиционер.

— Гражданин! — сказал он. — Я уже давно за вами наблюдаю, и ваше поведение менястораживает. Проходите со мной в отделение!

Таким образом я очутился в вашем отделении. На этом заканчиваю свои объяснения и очень прошу вас разрешить мне позвонить с вашего телефона моему начальнику, сказать ему, что я проспал и поэтому опо-

здаю. Причем прошу разрешить мне сделать это срочно, потому что начальник вот-вот должен уйти из своего кабинета. Ведь рабочий день уже кончился!

СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО

Рано утром нас — заведующих отделами — срочно вызвал к себе главный.

— Я только что оттуда! — Он многозначительно указал пальцем вверх. — Дело чрезвычайно серьезное. Слишком много у нас стало показухи. Немедленно начинаем с ней борьбу.

Он немного помолчал, потом добавил:

— У нас на предприятии есть одна путевка вокруг Африки за полцены. Начальник отдела, который предложит самую действенную программу борьбы с показухой, будет ею отмечен.

Вернувшись в отдел, я сразу собрал всех сотрудников и строго сказал:

— Немедленно прекращаем работу и начинаем борьбу с показухой. Какие будут предложения?

— Ну прежде всего надо выпустить стенгазету с карикатурами на отягченнейших показушников и вашей статьей, — сказал Рыбинский.

— Хорошо, — одобрил я. — Если к завтрашнему дню сделаете, получите отгул к отпуску.

— Конечно, сделаю, — обрадовался Рыбинский. — Вопрос только в том, кто напишет вашу статью.

— Я напишу, — предложил Краснов. — Но за два отгула.

— Почему? — удивился я.

— У вас очень трудный слог.

— Ладно, — с неохотой согласился я.

— В таком случае я на тех же условиях могу в эту газету написать стихи, — сказала Люба.

— Ты же пишешь только стихи о любви, — съязвил кто-то.

— Вот и напишу о любви к борьбе с показухой!

— Товарищи! — перебил вдруг всех наш профорг Суровцев. — Это все мелко и местечково. Вы столько времени обсуждаете какую-то одну жалкую стенгазету. В то время как борьба с показухой — дело серьезное! И бороться с ней надо крупномасштабно. Одной стенгазетой здесь никак не обойтись. Предлагаю оформить весь коридор: поставить стенды, повесить транспаранты... Могу возглавить группу оформления. Но мне отгул не нужен.

— А что вам нужно?

— Мне нужно на лето куда-нибудь жену свою отправить.

— И мне нужно жену на лето отправить, — подхватил Семен Михайлович. — А у меня предложение не хуже. В нашем отделе есть моло-

дые — Вика и Сережа... Видите: они покраснели? Все мы знаем, что у них скоро свадьба. Предлагаю провести ее без всякой показухи.

— Это как? — удивился я.

— Проще простого! Никакого стола. Все приходят на свадьбу в рабочих костюмах. Вместо «горько» выкрикиваем призывы к борьбе с показухой. А главное, приглашаем телевидение. Они такую свадьбу с удовольствием снимут. Им за это всем премию дадут.

— А молодые согласны? — спросил я.

— Согласны! — хором ответили молодые. — Только освободите нас за это от дежурств в дружине во время нашего медового месяца.

— Товарищи! — снова перебил всех профорг. — Свадьба — это, конечно, оригинально. Новая традиция. Мы сразу обгоним все отделы. Но, согласитесь, всего на один раз. А борьба с показухой — дело настолько серьезное, что требует фундаментального разворота во времени! Предлагаю объявить месячник по борьбе с показухой. Причем завершить его досрочно. Дней за пятнадцать. Таким образом, за месяц мы сможем провести два месячника! А поскольку мы их уже научимся проводить за этот месяц, то в следующем проведем три, в следующем — четыре... К концу года ни у одного отдела не наберется такого количества человеко-месячников!

Предложения сыпались со всех сторон.

Во время обеденного перерыва я написал заявление на путевку вокруг Африки.

А после обеда мы снова собрались у главного. Все были довольны. И с заявлениями. Но особенно был доволен главный. Он еле успевал за нами записывать. Кто-то предложил организовать поезд дружбы, кто-то — подшефную работу в колхозе, кто-то уже объявил набор в специальные добровольные отряды дружинников, которые останавливали бы на улицах людей и спрашивали, что они сделали в борьбе с показухой. И если ничего не сделали, то штрафовали. Причем штрафовать в зависимости от того, насколько они ничего не сделали. А если сделали, выдавать справку, чтобы их больше не штрафовали. Таким образом, со временем у нас не останется ни одного человека, который бы не внес свой вклад в дело борьбы с показухой!

После обеда главный уехал с нашими предложениями в главк. А на следующий день к нам прислали нового главного. Мы все выстроились у парадного входа на предприятие с цветами, ковром и пальмой, с которой все утро стряхивали пыль, привязали к веткам опавшие листья и красили их в свежий зеленый цвет.

Однако новый главный почему-то не подъехал на машине к парадному входу, а пришел пешком и зашел с черного хода. Потом подкрался к нам сзади и так рывкнул, что сразу четверо уронили пальму себе на ноги.

В общем, не знаю я, где он раньше работал. Всякое говорят. Но через пять минут мы все сидели на своих рабочих местах и работали.

Оказалось, борьба с показухой был розыгрыш главка. Там сказали: «Уволим тех, кто даже при борьбе с показухой разведет нам показуху!» Наш главный попался первым. После него было уволено еще несколько главных. Но самое страшное, что наш новый главный после работы снова собрал нас и сказал:

— То был розыгрыш, а теперь начинается настоящая борьба с настоящей показухой!

После этого собрания я вернулся к себе в отдел, заперся в своем кабинете, но уже через несколько минут понял, что я ничего не понимаю.

«Наверное, стар стал!» — решил я, порвал заявление на путевку, достал чистый лист бумаги и стал писать заявление об уходе на пенсию.

ТАЛАНТ!

Когда Василий Евсеевич нес заявление на отпуск, он очень беспокоился. В отделе горячка. Каждый человек на счету. Могут перенести отпуск на осень. Этого никак нельзя было допустить. И все-таки природная застенчивость, которая порой принимается людьми за воспитанность, заставила сказать не то:

— Игнатий Иванович, если, конечно, трудно без меня будет, то я бы мог и в другое время...

Игнатий Иванович ничего не ответил и, не глядя, подмахнул заявление. Василию Евсеевичу показалось, что Игнатий Иванович обиделся, поэтому он еще раз переспросил:

— Это ничего, что я в такое трудное для вас время?

— Ничего, ничего! — успокоил его шеф. — Не волнуйтесь, отдыхайте, без вас справимся.

Вернувшись домой, Василий Евсеевич долго не решался сказать о скором отъезде на юг жене. Могла учинить скандал. Тем более в такое время, когда вот-вот должна подойти очередь на новую кухню. Но говорить надо было. Не уезжать он не мог. И именно в этом месяце. Жена ответила не сразу. Пожала плечами, о чем ей сказал муж, снова пожала плечами и ответила:

— Да ладно, езжай, без тебя справлюсь!

Василию Евсеевичу стало обидно за себя:

— Ты даже не ревнуешь, отпуская меня на юг в такое время?

— Да кому же ты нужен? На себя посмотри! — усмехнулась жена, продолжая слушать погоду в Туркмении.

Об этой фразе, оброненной женой между дождями в Нечерноземье и жарой в Средней Азии, Василий Евсеевич не на шутку задумался, сидя за столиком в вагоне-ресторане и глядя на грустно-закатные пейзажи начинающегося юга. Да, он ничего не добился в этой жизни. Из наград у него был лишь студенческий значок ГТО. Раз в три месяца он получал

прибавку к зарплате на десять рублей за выслугу лет на одном месте. Девятый год он стоит в очереди на новую квартиру. А главное, он не умел делать ничего такого, что бы не умели делать другие. А значит, был абсолютно заменим. Польза от него обществу могла быть только в том случае, если б его показывали детям как экспонат и говорили: «Вот таким быть нельзя, дети. Надо учиться сызмальства и развивать в себе хоть какие-нибудь способности». Действительно, жена права. Ко-му он нужен такой?

И все-таки нужен! Василий Евсеевич знал это. И знал кому! Это была его приятная тайна, которая появилась у него в прошлом году. И которой не знал никто. Кроме... От воспоминания о тайне глаза его потеплели. Радость разлилась по душе. Вот эта солнечная радость, которая часто охватывала Василия Евсеевича с детства из-за какой-нибудь мелочи, наверно, и не дала ему возможности развиваться в жизни. Его друзья не умели радоваться облакам, политым закатным фиолетом, над кипарисами, желающими нанизать их на себя, как на шампур; прибавке к зарплате на десять рублей и купленной на эту прибавку серии марок, погашенной в космосе...

Его друзья никогда не довольствовались настоящим. Их всегда звало будущее. А настоящее радовало лишь в воспоминаниях, когда становилось прошлым. За неумение радоваться настоящему Василию Евсеевичу было жалко своих друзей. Они напоминали ему идущих в высокую гору путников с тяжелыми рюкзаками собственного положения и которым даже некогда взглянуть на открывающиеся перед ними красоты. И они идут на вершину, где ничего нет, кроме сильно разреженного воздуха и такого сладостно-манящего слова «вершина»!

Василий Евсеевич взглянул в окно и засмеялся. К пальме была привязана корова! Он так резко вскочил от радости из-за столика, что толкнул официантку с бефстрогановом, который вмиг разметался под всеми столиками вагона-ресторана.

— Ой, не волнуйтесь, я сейчас помогу! — засуетился Василий Евсеевич. Но официантка недружелюбно полоснула его взглядом по глазам:

— Ладно тебе... Сама справлюсь... Иди отсюда!

«А может, и правда все люди на свете могут справиться без меня? — думал остаток дороги Василий Евсеевич, глядя на окончательно погрузневшие заочно-кипарисные пейзажи. — И может, я зря еду?»

С этими мыслями, похожими на неуверенные мысли влюбленного перед встречей с любимой женщиной после разлуки, Василий Евсеевич вышел на долгожданный пляж.

Осмотрелся. В груди волновалось и билось. Солнце колдовало жарой на зеленой смирной воде. «Погода как раз!» — отметил про себя Василий Евсеевич.

Он не сразу заметил их. Почти в том же составе они сидели на том же месте, что и в прошлом году. Они немного повзрослели. Узнают ли?

Когда дети заметили дядю Васю, они попрыгали на него с разбегу. И он донес их до воды.

— Дядя Вася! Приехал, как обещал!

Подошли и остальные дети, приехавшие в первый раз, но уже наслышанные о знаменитом и незаменимом дяде Васе.

Василий Евсеевич поднял с берега плоский камешек. Дети притихли и ждали затаив дыхание. Резким движением Василий Евсеевич послал камень в море по полированной поверхности воды. Рука не подвела его! Тридцать две бульки!!!

«Ура!» — закричали дети. И Василий Евсеевич снова почувствовал свою нужность и умение делать то, что не умеет делать больше ни один человек в мире. Он стал учить детей, хотя и понимал, что научиться этому невозможно. Тут должен быть талант!

ВМЕСТО СНОТВОРНОГО

После такого трудового дня засыпать надо только по методу аутогенной тренировки. Никаких снотворных, разрушающих организм... Успокоиться по методу аутогенной тренировки и заснуть. Нет ничего проще. Просто надо все делать по науке!

Итак... Сначала ложась на спину! Кровать вдоль меридиана, тело расслаблено, дыхание размеренное, голова пустая! Взгляд остекленевший... Строго вверх... Потолки второй год побелить не можем! Нет, глаза лучше закрыть! Вот так...

Чтобы заснуть, надо отвлечься, чтобы отвлечься, надо представить себя чем-то отвлеченным, необъятным и теплым... Например, как йогии солнцем!

Я — солнце! Я — солнце! Я — огромный солнечный круг! «Солнечный круг — небо вокруг!» Тихо, спокойно... Не отвлекаться! Я — солнце! Я — огромный горячее солнце! Я излучаю тепло... И поэтому мне совершенно наплевать, что отключили горячую воду... Мои кисти и так уже нагреты, мои ступни горячи, как протуберанцы, моя голова, моя голова... Где моя голова? Вот она, беденькая! Скоро совсем без волос останется! Нет, нет и еще раз нет! Больше никогда никаких шампуней! В кипяточке ржаного хлебушка заварил, лукового сока по вкусу добавил, пару яичек туда бросил, крапивы свеженькой накрошил, уксусом залил, ну и чуток нашей пепси-колы капнул, чтобы лучше мылилось... Все это поперчил, вскипятил и, будь здоров, себе на голову! Отличное средство от волос! Так что солнце я, конечно, солнце, но на закате...

Нет, перед сном о возрасте лучше не думать. Перед сном по методу аутогенной тренировки о чем-нибудь приятном мечтать надо. Например, о том, что нашего начальника за границу не пустили! А то, как по Средиземному морю — так он с женой, как на картошку — так я с отделом.

Нет, так я вообще не засну!

Надо успокоиться... Немедленно успокоиться. По методу аутогенной тренировки! Посчитать! Про себя... Вот так: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Соседка семь рублей второй год не отдает! А на два дня занимала! Одолжите, одолжите! Вологодские кружева, видите ли, ей к лицу! В зеркало б на себя посмотрела! Туркменская паранджа тебе к лицу!!!

Тихо, спокойно! У меня все хорошо! У меня все хорошо! И никаких неприятностей у меня нет!

А то, что щетки позапрошлой ночью с моего «Москвича» сняли, — это вовсе не неприятность. Так, небольшое огорчение. По сравнению с тем, что прошлой ночью сам «Москвич» увели. И правильно сделали! Давно пора мне «Жигули» покупать. А тот, кто увел, пускай сам теперь с ними помучается. Так что у меня все хорошо! Даже квартиру новую вон в каком отличном районе получили. Двадцать лет в очереди стояли и, наконец, получили. Правда, от центра Москвы далековато, зато к пригородам Ленинграда близко. А дом просто замечательный! Панельный! Крупноцелевой! Два лифта: пассажирский и грузовой. Первый этаж. Прачечная за углом. Замечательная прачечная! Месяц назад сдали семь пододеяльников, вчера обратно получили четырнадцать простыней.

Но я спокоен! Я спокоен! Я совершенно спокоен. И глаза у меня сами закрываются. Кстати, что это они у меня открыты? У меня же все хорошо. Сынишка весь в меня пошел. Захотел курить бросить и бросил. Какая сила воли! В десять-то лет!

Так что я спокоен! Я абсолютно спокоен! И холоден как лед! Я — лед! Я замерз! Потому что у меня короткое одеяло... Но ничего! Сейчас согремся по методу аутогенной тренировки. Только представим себя чем-то таким, что греет... Я — деньги! Я — деньги! Я — большая куча денег! Господи, хоть как она выглядит — эта куча? Не-ет, разобьюсь, но на «Жигули» накоплю! Разобьюсь, но накоплю... Накоплю и разобьюсь!!! Фу-ты! Весь сон как рукой сняло!

Нет, хорошо этим йогам в их субтропиках! Под бананом сел, полотенцем повязался, лотосом прикинулся, и никаких гроблем! А тут? А тут уже будильник звонит. Надо же, как быстро ночь пролетела! Это, наверно, потому, что я ее по методу аутогенной тренировки провел. Вставать пора, а то на автобус опоздаю!

Кстати, вставать после такой бессонной ночи надо только по методу аутогенной тренировки! Вот так... С левой ноги на обе: «И раз! И два!» А теперь про себя быстро-быстро: «Я выспался! Я выспался! Я выспался!» У меня все хорошо!!!»

Итак, пройдена почти вся дистанция. Автор считает, что финишную прямую надо постараться пройти с самым серьезным к ней отношением, потому что финишная прямая — это самая важная часть дистанции, это подведение итогов, это то, что больше всего волнует самого автора. Итак...

«ФИНИШНАЯ ПРЯМАЯ, ИЛИ АССОРТИМЕНТ ДЛЯ КОНТИНГЕНТА»

АССОРТИМЕНТ ДЛЯ КОНТИНГЕНТА

«Редкая птица долетит до середины Днепра» — эти слова мы знаем с детства. А теперь представим себе, что Н. В. Гоголь работает в современной газете и ему дают задание написать очерк. Думаю, он постарается передать величие Днепра с гораздо большим чувством патриотизма. Скажем, так: «Редкий представитель семейства пернатых долетит до середины главной водной артерии Украинской ССР». И далее поведаст нам о том, как чудна эта артерия при благоприятных метеорологических условиях.

Если бы А. П. Чехов работал в современной газете, он бы тоже не написал так «несовременно»: «В человеке все должно быть прекрасно: и душа, и одежда, и лицо, и мысли...». Он бы наверняка постарался блеснуть журналистским красноречием: «В человеческом индивидууме все должно отвечать эстетическим нормам: и морально-нравственный фактор, и внутренние резервы, и изделия текстильной промышленности, и лицевой фасад...».

Конечно, не каждый журналист может писать, как Гоголь. Но каждый журналист должен понимать, как сильно влияют на современный русский язык газеты, радио, телевидение... В словаре Даля более двухсот пятидесяти тысяч слов. А в наше время — статистики подсчитали — журналисты, дикторы и комментаторы пользуются всего двумя тысячами слов. Какое обеднение языка! Безусловно, это удобно: образовать из минимального количества слов расхожие «деловые» выражения и закладывать их готовыми в предложения, как кассеты в магнитофон. Например, слово «лес» требует подобрать к нему эпитет. Какой лес? А «лесной массив» уже не требует никакого эпитета. В крайнем случае «зелёный» — и достаточно. Или слово «поле». Надо подумать, крепко напрячься, чтобы описать это поле. А написал «бескрайние просторы» — и думать не

надо, и начальство довольно. Люди, которые каждый день читают газеты, смотрят телевизор, слушают радио, сами начинают невольно употреблять в своей речи скудоумные словообразования.

Однажды за мной на персональной машине заехал директор дома отдыха одного крупного министерства. Вечером я должен был выступать в его доме отдыха. Когда мы сели в машину, я спросил у него:

— Кто у нас сегодня будет в зале?

Он очень важно мне ответил:

— Контингент у нас широкий!

Хотя мог ответить просто: «Зрители у нас разные».

Русское слово «зритель» живое. За ним мы видим людей, которые улыбаются, смеются, грустят, гnevаются. А «контингент» — слово обезличивающее. Оно осредняет и подстригает всех под одну гребенку. Это и зрители, и покупатели, и офицеры, и самураи... Происходит заимствование иностранных слов, которые можно употреблять не думая и которые обедняют наш родной язык, а следовательно, и наше мышление. Потому что в языке отражается образ мыслей человека.

Я задал директору второй вопрос:

— Как у вас кормят?

Не менее важно он ответил:

— Ассортимент у нас богатый!

Хоть опять-таки мог ответить: «Кормят у нас хорошо».

Но, во-первых, он, по-видимому, принимает этот чиновничий язык за красноречие. Во-вторых, ему кажется, что этими словами он как бы доказывает свою принадлежность к номенклатуре крупного министерства. А главное — как человек, не чувствующий языка, он не понимает, что ассортимент — это не еда. Это то, что ест контингент!

Так мы и разговаривали с ним, пока ехали.

— Во сколько выступление?

— Сразу же после вечернего приема пищи.

— У вас хороший клуб?

— У нас передовой очаг культуры. На двести посадочных мест!

Когда я выступил перед контингентом, после вечернего приема пищи совершившим посадку в передовом очаге культуры, директор пожал мне руку и с необычайной теплотой сказал:

— Благодаря вам мы оптичили еще одно мероприятие!

Признаться, я не сразу понял, что слово «оптичить» значит «поставить за мероприятие галочку». Но ему на всякий случай ответил: «А вас разрешите оспасибить!» Он даже не улыбнулся. По-моему, подумал, что теперь так «в кругах» говорят. И с тех пор, я думаю, сам оспасибливает всех направо и налево.

После этого случая я стал все чаще замечать, что продавщицы в магазинах не говорят «посуда», а говорят «посудный инвентарь». Не говорят «ковер», а говорят «ковровое изделие». В профсоюзных и комсомоль-

ских организациях процветает словообразование «охваченные взносами». В автобусах то и дело слышится выражение «обилеченный пассажир». В некоторых загсах молодоженов после регистрации называют «обращенными». Даже детские врачи стали говорить детям, что им нужно «увеличить калораж питания». По-моему, ребенок, услышав такое, вообще может перестать есть.

Конечно, нельзя винить только журналистов за то, что происходит обеднение нашего родного языка. Да и не всех журналистов можно за это винить. Нельзя судить категориями. Большая вина лежит и на тех, кто издает бесчисленное количество инструкций, положений, памяток, написанных этим уродливым языком. В профкоме одного ПТУ я прочитал название брошюры: «Положение об улучшении отпуска сбалансированного рациона питания и контроля за полнотой утвержденного набора продуктов на одного учащегося». Стыдно, очень стыдно! Вместо того чтобы хорошо кормить учащихся, профсоюзные работники составляют брошюры, позволяющие им в первую очередь выслуживаться перед своим руководством.

Поэтому подобный оскверненный русский язык и входит в нашу жизнь, что он позволяет выслуживаться, докладывать, создавать видимость работы. Во время съезда комсомола я смотрел телемост. С одной стороны телемоста — сибирская стройка, с другой — Дворец съездов. С того конца телемоста рабочий спрашивает у делегатов: «Когда вы наконец пришлете рабочую форму?» Отвечает одетый с иголки комсомолец-делегат: «По этому вопросу мы уже второй год владеем обстановкой!»

Мало кто задумывается над тем, что многие из этих выражений неграмотны. Мне недавно позвонили из одного райкома комсомола и спросили, кого бы я мог рекомендовать им для выступления. Я предложил позвонить Е. Петросяну. Инструктор мне ответил: «На Петросяна мы уже выходили». Выходить можно на медведя. А на Петросяна выходить нельзя. Так же неправильно говорить: «Институт стали и сплавов», потому что сталь — это уже сплав. А как больно слышать выражение «восстановить разруху».

С другой стороны, разве можно ждать грамотности от молодого поколения, если даже учительница русского языка в средней школе однажды при мне сказала на конференции: «После ремонта наша школа стала негодна для эксплуатации детей». В школьном учебнике русского языка написано, что существует несколько стилей в языке: деловой, разговорный, газетный, литературно-художественный и т. д. Я понимаю, что ученые могут защищать докторские диссертации на эти темы. Чем больше будет этих диссертаций, тем больше будет у нас официально считаться стилей. Но смешно думать, что, приходя на рынок, я должен говорить одним стилем, на работе — другим, дома — третьим, читать и думать «на четвертом... Трудно представить себе Пушкина, который, написав: «Я помню чудное мгновение», сядет писать статью в газету, в

которой будет восхищаться «закромами Родины». А на следующий день в разговоре с цензором будет защищать ассортимент своих стихов.

Я представляю себе Пушкина в этой ситуации потому, что именно он в прошлом веке оздоровил русский язык, привнес в него народную образность, мудрость, народное мышление. В то время как «избавленные чином от ума» уже тогда уродовали язык иностранными словами и бюрократизмами. И вот теперь эта же опасность угрожает нашему современному языку. И угрожает всерьез! Восемнадцать миллионов управленческого аппарата живут по инструкциям, положениям и памяткам, написанным языком канцелярского красноречия. И если филологи узаконивают в новых словарях подобные уродства, значит, эти филологи принадлежат не к истинно российским ученым, а, как точно написано в гардеробах множества институтов, всего лишь к «профессорско-преподавательскому составу». То есть еще к одному обезличенному контингенту. Потому что не может ученый-филолог или преподаватель русского языка, который любит свое Отечество, сразу после издания антиалкогольного постановления выбросить из учебников русского языка стихи Пушкина: «Выпьем, няня, где же кружка». Или этот представитель современной филологии считает, что великий поэт в свете последних постановлений подает детям дурной пример спаивания своей няни? Но ведь сейчас, говорят, готовится постановление по борьбе со СПИДом. Значит, пришла пора выбросить из школьной программы все стихи о любви. Что это за безобразие! «Я помню чудное мгновенье!» Мгновенье, может, и чудное, а кто его знает, чем оно может закончиться?!

Благодаря таким приспособленцам преподавание литературы в школе, к сожалению, чем-то напоминает прививку. Ввели в детстве небольшую дозу вакцины оспы — и человек никогда больше ею не заболевает. Так и с классиками в школе. Ввели небольшую дозу Некрасова, Достоевского, Толстого — и на всю жизнь у всех к ним иммунитет выработан.

Вот и вырастают одно за другим поколения, которые не чувствуют живого литературного русского языка, не понимают, как обидно человеку услышать, что в самый счастливый день тебя назвали «обращенным».

Неужели придет время, когда влюбленные будут приходить к своим девушкам с цветами... простите, с букетами цветочно-штучных изделий... и ласково делать такое заявление: «Дорогой друг и товарищ! Я испытываю к тебе всесторонние любовные ощущения, давай организуем с тобой долгосрочную семейную ячейку на взаимовыгодной основе». А дети, возвращаясь домой из детского сада, будут говорить родителям: «Мы сегодня всем коллективом играли в войну в обстановке сердечности и полного взаимопонимания!»

Язык отражает мышление человека. Раз обедняется язык, значит, обедняется мышление. Понятно, что для бюрократа его язык, мышление, дела и зарплата составляют единую гармонию. Но невольно задум-

ываешься, сколько же их, обедненных духом и мышлением людей, если они смогли повлиять на язык нескольких поколений.

Мы живем во время надежд на освобождение общества от многих накопившихся недостатков. Но перестройка невозможна без личностного мышления. А значит, и без оживления языка. Перестройка не может быть кампанией контингента по улучшению ассортимента. Перестройка не может подчиняться инструкции, положению, памятке... Иначе вековой бюрократ со своим мертвым мышлением навсегда овладеет обстановкой.

Ну вот и все — финиш! Мероприятие по прохождению дистанции в 15000 метров можно считать «оптиченным»! Разрешите Вас, уважаемый читатель, «ОСПАСИБИТЬ»!!!

СОДЕРЖАНИЕ

НА СТАРТ! ВНИМАНИЕ!! МАРШ!!!

Молодые	2
Ставим галочку	4
Работать хочется!	5
Правило механики	8
Девятый вагон	11

ПЕРЕДЫШКА, ИЛИ ОБМАННЫЙ МАНЕВР

Крохотные звезды	14
Дела на год	18
Замечательный день	21
Опережая время	24
Мы живем хорошо!	28

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

Фотография (<i>монолог ветерана</i>)	31
Дорогой звонок	34
Серьезное дело	36
Талант!	39
Вместо снотворного	41

ФИНИШНАЯ ПРЯМАЯ, ИЛИ АССОРТИМЕНТ ДЛЯ КОНТИНГЕНТА

Ассортимент для контингента	43
---------------------------------------	----

Михаил Николаевич ЗАДОРНОВ
ЛИНИЯ ДЛИНОЙ 15000 МЕТРОВ

Редактор А. И. Ходанов
Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 04.05.88. Подписано к печати 28.06.88.
А 11754. Формат 70×108^{1/2}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 3,24. Усл. кр.-отт. 2,45. Тираж 75000.
Заказ № 2431. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

АВТОБИОГРАФИЯ

Сначала все шло, как у всех. Родился, рос, не слушался родителей, средне учился в средней школе. Как и все, кто не знает, кем стать, пошел учиться в технический вуз. Им оказался Московский авиационный институт. Окончив его, получил диплом инженера и высшее образование по специальности «художественная самодеятельность».

Как и все, после окончания института по распределению отбывал срок в три года на кафедре в МАИ в качестве молодого специалиста, где и начал писать первые юмористические произведения в виде отчетов, заявлений, объяснительных записок. Работая инженером, неустанно продолжал повышать квалификацию режиссера. И за ряд спектаклей, поставленных в народном агиттеатре МАИ «Россия», был переведен сначала в старшие инженеры, потом в ведущие. И, наконец, был награжден Почетной грамотой и ценным подарком за то, что покинул кафедру по собственному желанию заведующего кафедрой. И уже через три дня начал работать в должности режиссера во Дворце культуры МАИ, где сам писал, сам ставил и сам громче всех аплодировал.

Вместе с коллективом агиттеатра МАИ «Россия» много путешествовал по стране. О путешествиях писал очерки и рассказы, которые не печатались до тех пор, пока на смену умению писать не пришло искусство печататься.

В одной из очередных поездок попал во второй девятый вагон, рассказ о котором в телепередаче «Вокруг смеха» круто изменил всю последующую жизнь. И если раньше был инженером, режиссером, журналистом..., то с этих пор стал автором «Девятого вагона»! Поэту очень рад выходу сборника, который, уважаемый читатель, может быть, разрушит ваше ощущение, что за всю жизнь автор написал только про девятый вагон.